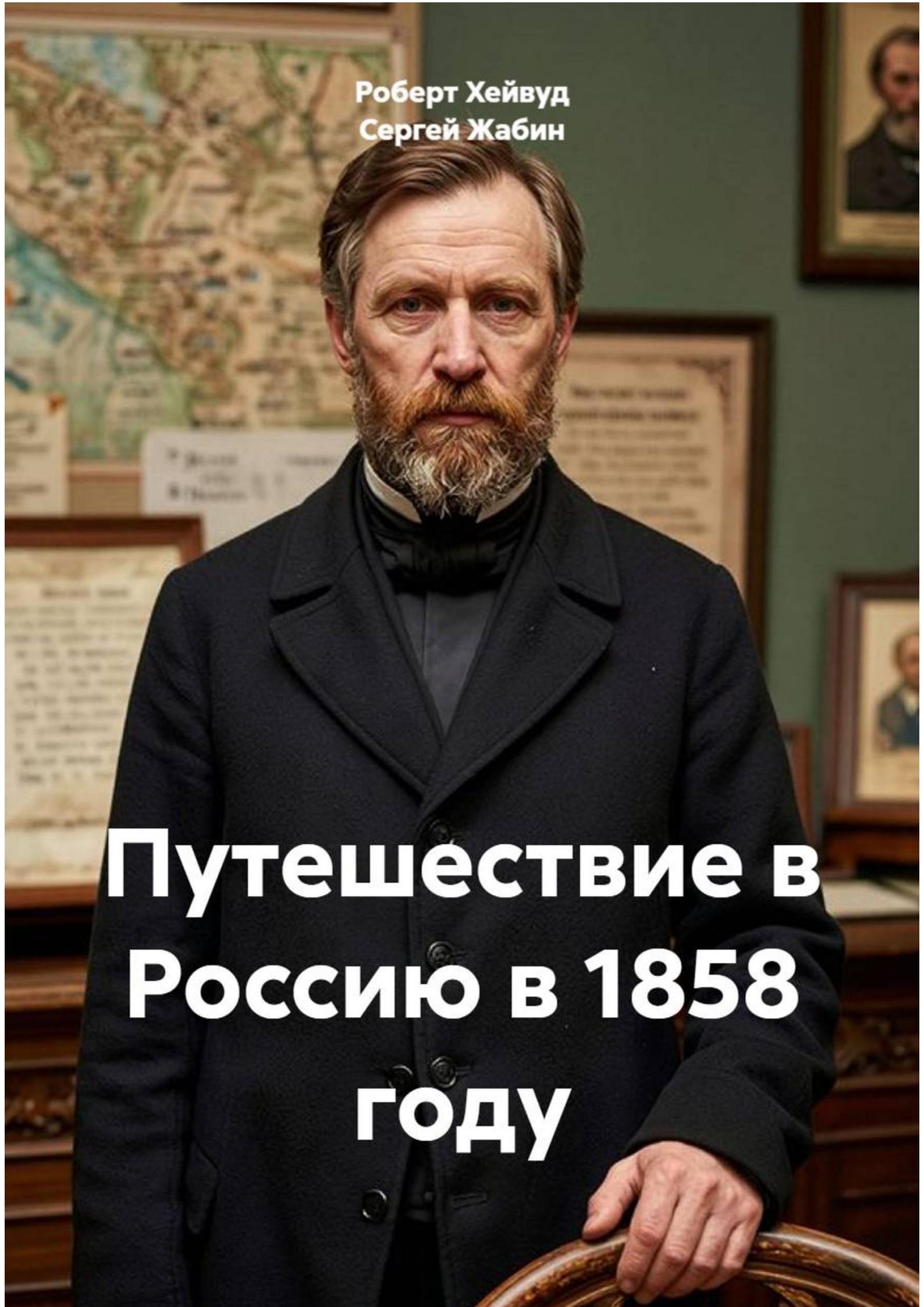

A man with a full, grey and brown beard and mustache, looking directly at the camera with a serious expression. He is wearing a dark, high-collared coat over a dark shirt. He is standing in a room with a green wall. Behind him, there is a large map on the wall to the left and several framed documents or certificates to the right. The lighting is soft, highlighting his face and the texture of his beard.

Роберт Хейвуд
Сергей Жабин

Путешествие в Россию в 1858 году

Роберт Хейвуд

Путешествие в Россию в 1858 году

«Автор»

2026

Хейвуд Р.

Путешествие в Россию в 1858 году / Р. Хейвуд — «Автор», 2026

Впервые на русском языке — записки британского промышленника Роберта Хейвуда, совершившего в 1858 году поездку в Санкт-Петербург и Москву. Автор — член Болтонского механического института, человек дела, не знавший русского языка, но сумевший заметить то, что ускользает от посвящённых. Это не просто путевые заметки, а взгляд практика: фабрики, железные дороги, крепости, быт крепостных, православное богослужение. Хейвуд ироничен, наблюдателен и честен. В книге описаны Исаакиевский собор, Зимний дворец, Кремль, московский быт, ярмарка, крепостные, голуби на улицах, дрожжи, квас. Научное комментированное издание включает вступительную статью о месте Хейвуда в традиции британского травелога, подробный комментарий к реалиям, хронологию поездки, биографический и топонимический словари, глоссарий, библиографию. Книга будет интересна историкам, культурологам и всем, кто хочет увидеть Россию 1858 года глазами «наивного» иностранца. Первый перевод на русский язык.

© Хейвуд Р., 2026

© Автор, 2026

Роберт Хейвуд

Путешествие в Россию в 1858 году

ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ В 1858 ГОДУ

Научное комментированное издание

Роберт Хейвуд

Перевод с английского, вступительная статья, комментарий, приложения

ОТ РЕДАКЦИИ

Статус оригинала

Английский текст доступен. Настоящий перевод выполнен по электронной версии текста, опубликованной в проекте «Гутенберг» (EBook #27366, дата релиза: 30 ноября 2008 года). Электронная версия была оцифрована с печатного экземпляра, хранящегося в Библиотеке Иллинойского университета. Печатное издание, с которого сделана оцифровка, было опубликовано частным образом и содержит пометку «М. Х., 1918».

О пометке «М. Х., 1918». Текст представляет собой запись лекции, прочитанной Робертом Хейвудом в Болтонском механическом институте в 1858 году. Резолюция комитета института, опубликованная в начале книги, содержала просьбу к Хейвуду опубликовать текст лекции. Эта просьба, как явствует из пометы, «не была выполнена» — до 1918 года. Пометка «М. Х., 1918», вероятно, указывает на лицо, подготовившее текст к печати через шестьдесят лет после лекции. Кто именно скрывается за инициалами «М. Х.», не установлено.

О рукописи. Хранится ли рукопись лекции или её копия в каком-либо архиве, не проверено. Запросы в архивы не направлялись.

Ограничения. Поскольку печатный оригинал 1918 года не был сверен с электронной версией, возможны расхождения. Электронная версия может содержать опечатки и ошибки оцифровки.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

«Путешествие в Россию в 1858 году» Роберта Хейвуда: опыт британского промышленника

I. Британские путешественники в России середины XIX века

Россия входила в поле британского читательского интереса задолго до Крымской войны, но именно середина 1850-х годов сделала её одной из главных тем. Парижский мир 1856 года, завершивший войну, не снял напряжения между двумя империями, но перевёл его в иную плоскость: от прямого военного противостояния к дипломатическому соперничеству в Центральной Азии, на Балканах и на Дальнем Востоке. Одновременно в Британии рос интерес к внутреннему состоянию России — к тому, что стояло за фасадом имперского могущества.

К середине века сложилась устойчивая традиция британского травелога о России. Её основатели — Эдвард Даниэль Кларк («Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa», 1810–1823), Джон Кокс («Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark», 1784), Роберт Литтон («Observations on the State of Russia», 1820-е) — писали преимущественно о природе, древностях и нравах. Особое место занимает маркиз де Кюстин («La Russie en 1839», 1843): его книга, переведённая на английский в том же году, стала самым влиятельным — и самым спорным — образом России в западной литературе. Кюстин путешествовал в карете, вращался в высшем свете, наблюдал придворную жизнь и вынес России приговор как империи деспотизма. Его книга — суждение, а не отчёт.

К середине 1850-х к этой традиции добавился новый слой: описания, сделанные людьми дела — промышленниками, инженерами, коммерсантами. Их интересовали не столько нравы, сколько состояние путей сообщения, промышленности, торговли, финансов. Россия представляла в их записках страной огромных возможностей и столь же огромных препятствий: страной, где можно выгодно вложить капитал, но где всё делается медленно, дорого и непредсказуемо.

«Путешествие в Россию в 1858 году» Роберта Хейвуда принадлежит именно к этому слою. Его автор — не дипломат, не литератор, не военный, а промышленник из Ланкашира, член Болтонского механического института. Его взгляд — взгляд человека, привыкшего оценивать вещи по их практической полезности. Этим определяются и сильные стороны его книги, и её ограничения.

II. Роберт Хейвуд: биография и социальный облик

О Роберте Хейвуде известно немного. Он родился в Болтоне, в семье, связанной с текстильным производством. Семейная фирма занималась производством стёганных одеял и, вероятно, имела торговые связи с континентом. Сам Хейвуд был человеком своего времени и своего круга: член Болтонского механического института, участник местного самоуправления, путешественник.

Примечание. Годы жизни Хейвуда (1786–1868) приводятся предположительно; документального подтверждения в доступных источниках не обнаружено.

Его первое большое путешествие — поездка в Египет и Палестину в 1844 году, откуда он вернулся через Константинополь. Именно в карантине на Чёрном море он познакомился с русским дворянином Александром Адлербергом и его наставником — знакомство, которое через четырнадцать лет открыло ему двери в Россию.

Хейвуд был женат. Жена сопровождала его в поездке 1858 года и фигурирует в тексте как «миссис Хейвуд». В оригинале автор шуточно называет её «мой секретарь» — это обозначение поясняется сноской.

Социальный облик Хейвуда — это облик провинциального британского промышленника средней руки, человека с достатком, досугом и любознательностью. Он не был ни учёным, ни политиком. Его образование — скорее техническое и практическое, чем гуманитарное. Он читает Мюррея, цитирует Коббетта, интересуется фабриками и железными дорогами. Его кругозор — кругозор человека дела, а не кабинетного исследователя.

III. Болтонский механический институт и его роль

Болтонский механический институт, основанный в 1825 году, был одним из многих учреждений этого типа, возникших в Британии в эпоху промышленной революции. Механические институты (Mechanics' Institutes) создавались для просвещения рабочего класса и ремесленников: они устраивали лекции, библиотеки, вечерние классы. К середине века они стали центрами местной интеллектуальной жизни, где выступали путешественники, учёные, общественные деятели.

Резолюция комитета института, опубликованная в начале книги, — документ эпохи. Она показывает, что поездка Хейвуда воспринималась не как частное дело, а как событие, интересное для всего города. Члены комитета просят Хейвуда опубликовать «суть его ценной работы» для «удовлетворения и просвещения публики», подчёркивая «обширные торговые связи между нашим городом и столицами России». Это важное свидетельство: интерес к России в Болтоне был не отвлечённым, а практическим, связанным с торговлей.

IV. Русско-британские отношения в 1858 году

1858 год — один из переломных в истории России. Страна ещё не оправилась от поражения в Крымской войне, но уже стояла на пороге великих реформ. Александр II, вступивший на престол в 1855 году, готовил отмену крепостного права; в 1857 году был создан Секретный комитет, в 1858-м — губернские комитеты. В воздухе витало ожидание перемен.

Отношения России и Британии в это время оставались сложными. Парижский мир 1856 года лишил Россию права держать флот на Чёрном море и установил режим нейтрализации. Британская дипломатия внимательно следила за действиями России в Центральной Азии, где шло соперничество за влияние на Хиву, Бухару и Коканд. В то же время торговые связи восстанавливались: английские фабриканты, включая ланкаширских, искали новые рынки сбыта, а Россия нуждалась в промышленных товарах и оборудовании.

Хейвуд приехал в Россию в момент, когда страна была открыта для иностранного наблюдения, но ещё не стала объектом массового туризма. Его взгляд — взгляд человека, который видит Россию в переходный момент: ещё крепостническую, но уже готовящуюся к переменам.

V. Россия глазами британского промышленника

Что видит Хейвуд в России? Прежде всего — техническое и материальное. Его внимание приковано к состоянию дорог и мостовых, к устройству дрожек, к качеству железных дорог, к работе фабрик, к состоянию крепостей, к устройству каналов и портов. Он подробно описывает Исаакиевский собор — но не как произведение искусства, а как инженерное сооружение: количество свай, вес колонн, состав металла для купола, стоимость. Он описывает Зимний дворец — но останавливается не на картинах, а на системе отопления и на количестве людей, живущих под одной крышей.

Его взгляд — взгляд практика. Он оценивает, сколько стоит проезд, сколько — обед, сколько — билет на пароход. Он фиксирует расстояния, время в пути, население городов. Эти данные — пусть неточные и порой ошибочные — ценны для историка повседневности.

Но Хейвуд не только практик. Он человек ироничный и наблюдательный. Его описания русского богослужения, мужиков на пароходе, торговцев на базаре, нищих у церквей — это не только сведения, но и живые сцены, часто окрашенные мягкой иронией. Он не судит, как Кюстин; он не восторгается, как Дюма; он просто смотрит и записывает.

Специфика его взгляда — в том, что он не знает языка, не имеет доступа в дома, не понимает обычаев. Эта «наивность» — источник как ошибок, так и ценных наблюдений. Он видит то, что ускользает от «посвящённых»: абсурдность официальных процедур, смешное рядом с трагическим, быт как он есть.

Хейвуд фиксирует проявления крепостного права — нищету, бесправие, тяжёлый труд, — но нигде не говорит о «катастрофе» и не морализирует на эту тему. Он описывает то, что видит, и воздерживается от обобщающих суждений.

VI. Текст и его судьба

История публикации. Текст лекции, прочитанной в Болтонском механическом институте в 1858 году, был впервые опубликован в 1918 году — через шестьдесят лет после лекции и через пятьдесят лет после смерти автора. Публикация была подготовлена «М. Х.» — инициалы не расшифрованы, документальных подтверждений нет.

Судьба рукописи. Хранится ли рукопись лекции в каком-либо архиве, не проверено. Запросы в архивы не направлялись.

Рецепция. Сведений о рецензиях и откликах на издание 1918 года в доступных источниках обнаружить не удалось. Книга не переиздавалась и не была переведена на другие языки. Настоящее издание — первый перевод на русский язык.

Статус текста. Текст представляет собой запись лекции, прочитанной в Болтонском механическом институте. Это объясняет его особенности: разговорный тон, обращения к слушателям, отсутствие строгой структуры. Хейвуд не готовил научный отчёт — он делился впечатлениями. Книга посвящена исключительно Санкт-Петербургу и Москве; она не содержит описания Нижнего Новгорода, ярмарки или Волги.

VII. Принципы перевода

Перевод выполнен по электронной версии издания 1918 года (Project Gutenberg, EBook #27366).

Сохранение регистра. Текст Хейвуда — разговорный, ироничный, иногда наивный. Перевод стремится сохранить эту интонацию.

Единицы измерения. В тексте сохранены авторские единицы (футы, дюймы, мили, тонны, фунты). В комментарии даны метрические эквиваленты.

Топонимы. Названия даны в современной русской транслитерации, с указанием исторических вариантов в комментарии.

Реалии. Русские реалии (дрожки, квас, обетные свечи, иконостас) переданы русскими словами с пояснением в глоссарии.

Ошибки автора. Фактические ошибки Хейвуда не исправляются молча. В тексте даётся перевод, в комментарии — указание на ошибку.

Тёмные места. Места, где смысл оригинала неясен, оставлены с указанием на неясность.

Даты. Даты в тексте даны по британскому календарю. В 1858 году разница между юлианским и григорианским календарями составляла 12 дней.

Имена. Имена даны в современной русской транслитерации, с указанием вариантов в комментарии.

VIII. Заключение

«Путешествие в Россию в 1858 году» — книга, которая могла быть написана только в середине XIX века и только британцем. Она отражает и интерес викторианской Британии к России, и её предрассудки, и её любознательность. Она даёт образ России, увиденной «со стороны», но не свысока. Она даёт образ путешественника, который не притворяется знатоком, но и не отказывается от суждения.

Для современного читателя книга Хейвуда ценна тремя вещами. Во-первых, она даёт живую картину России 1858 года — не столичной, не парадной, а обыденной. Во-вторых, она даёт образец межкультурного опыта — опыта человека, который оказался в чужой стране без языка и без проводника и всё же сумел её увидеть. В-третьих, она даёт пример книги, которая не претендует на истину в последней инстанции, но честно рассказывает о том, что было увидено.

ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ В 1858 ГОДУ

Текст перевода

Пояснение

Этот отчёт о путешествии в Россию был прочитан г-ном Хейвудом на заседании Болтонского механического института. Ниже приводится копия резолюции, принятой по этому случаю, с подписями.

Мы, нижеподписавшиеся члены Комитета Болтонского механического института, с большим удовольствием выслушали лекцию г-на Хейвуда о его недавнем посещении Санкт-Петербурга и Москвы. Желая, чтобы содержащиеся в ней ценные сведения стали доступны нашим семьям, товарищам по работе и другим лицам, глубоко заинтересованным в этом предмете ввиду обширных торговых связей между нашим городом и столицами России, мы почтительнейше просим г-на Хейвуда опубликовать суть его ценной работы для удовлетворения и просвещения публики. Мы также просим президента института обратиться к г-ну Хейвуду с этой просьбой и употребить все усилия, чтобы склонить его согласиться.

Гилберт Дж. Френч, Томас Холден, Джон Ригли, Альфред Райдингс, Джеймс Фогг, Алекс. Лоусон, Эдвард Бланд, Джон Ломакс, Уильям Джексон, Томас Уотерхаус, Джош.

Пит, Дж. Дж. Брэдишоу, Томас Бромли, Джозеф Кёркхэм, Исаак Барроу, Адам Фергюсон, Уильям А. Фергюсон, У. Х. Хоррокс.

Однако просьба не была выполнена.

М. Х., 1918.

Глава I. Введение

По настоятельной просьбе нашего досточтимого и деятельнейшего президента я решился последовать примеру нескольких других друзей этого института и представить вам отчёт о коротком посещении Санкт-Петербурга и Москвы.

Должен предварить, что около четырнадцати лет назад, возвращаясь из Египта через Константинополь, я и мой спутник, г-н Чарльз Дарбишир, были помещены в карантин на станции, откуда открывался вид на Чёрное море. Вместе с нами находились русский дворянин[1] и его наставник, возвращавшиеся из паломничества в Иерусалим.

Во время пятнадцатидневного заключения, занимая отдельные апартаменты, мы часто навещали друг друга. В таких случаях мы нередко говорили о нравах и состоянии наших стран. Эти беседы обычно заканчивались настоятельными приглашениями посетить Россию. Наш знакомый обещал устроить нам все возможности для осмотра городов, а также передать распоряжение от своего отца[2], стоявшего во главе почтового ведомства. Это распоряжение обещало бы нам лошадей и экипажи в любой части России.

С тех пор я часто подумывал посетить север Европы, но по разным причинам откладывал это предприятие до прошлого лета. Тогда, обнаружив, что мой прежний попутчик не желает покидать дом, я с большим трудом уговорил свою жену[3] сопровождать меня — она долго не могла примириться со столь долгим отсутствием вдали от обычных домашних привязанностей.

Мы отправились 17 июня и на следующий день отплыли из Гримсби в Санкт-Петербург на «Атлантике», прекрасном винтовом пароходе водоизмещением 1600 тонн, длиной 284 фута, с машинами мощностью 400 лошадиных сил и тридцатью пассажирами.

При отплытии погода была восхитительной, море гладким, так что мы оставались на палубе весь день, наслаждаясь прогулкой, хотя она и была несколько ограничена многочисленными кипами хлопка.

Следующий день выдался облачным и гораздо более холодным, а ночью поднялся сильный ветер, качавший некоторых из нас, не давая уснуть.

20-го мы обрадовались, увидев землю, и около десяти вечера высадили пассажира в Хельсингёре.

Здесь море становится гораздо уже, открывая взору более пятидесяти судов, которые больше не задерживаются из-за уплаты Зундской пошлины, урегулированной несколько лет назад с королевством Дания.

Рано утром следующего дня мы бросили якорь напротив Копенгагена. Поскольку за провизией была отправлена лодка, некоторые из нас смогли сойти на берег, пройти по главным улицам и взглянуть на один из их многочисленных публичных садов.

Возобновив путь, мы миновали длинный ряд сетей, удерживаемых на плаву бревнами через каждые тридцать-сорок ярдов; а возле Козьего острова[4] мы в течение нескольких часов наблюдали большое количество досок, плывущих по течению, — груз какого-то несчастного судна. Здесь мы увидели трёх чаек — единственных птиц за всё плавание, и ни одной рыбы, даже дельфина, что было бы более простительно, так как они чаще всего появляются в штормовую погоду.

В разговоре с одним из пассажиров мы с радостью узнали, что наш русский друг проживает в одном из дворцов Санкт-Петербурга, а также что он сможет оказать нам ценнейшие услуги.

Мы прибыли в Кронштадт 24-го. Плавание было приятным, и компания попала в хорошую, но не обошлось без некоторого сочувствия к бедным кочегарам, работающим так тяжело в пыльной, раскаленной атмосфере.

Кронштадт — главная база русского флота. Укрепления здесь весьма обширны, включая две круглые батареи недалеко от берега, имеющие три яруса и ряд орудий наверху. Но, как нам сказали, они настолько плохо построены, что почти бесполезны из-за отсутствия вентиляции.

Здесь проверили наши паспорта, и пассажиров вместе с багажом пересадили на меньший пароход, чтобы доставить вверх по Неве в Санкт-Петербург.

Вскоре после отплытия из Кронштадта справа видны золочёные башни дворца в Петергофе, а чуть дальше мы различаем большой золотой шар — купол Исаакиевского собора — с блестящим тонким шпилем, поднимающимся от Адмиралтейства. Приближаясь, мы видим многочисленные купола и шпили, выкрашенные в синий и зелёный цвет, с серебряными и золотыми звёздами.

Вдоль берегов Невы устроены набережные, сооружённые самым основательным образом из больших гранитных блоков.

Прежде чем нам разрешили сойти на берег, была ещё одна проверка паспортов, а наш багаж доставили в досмотровый дом. Здесь мы нашли посыльного от мисс Бенсон[5], владелиц известного пансиона, которым мы написали незадолго до этого. Имея при себе немного книг, досмотр прошёл очень быстро, и вскоре нас доставили в их восхитительное заведение, прекрасно расположенное на Английской набережной.

Хорошо, что мы написали заранее, так как дом оказался полон, в основном английскими путешественниками. Всё оказалось таким милым и удобным, что мы вскоре почувствовали себя почти как дома — лучше, чем ожидали.

До сих пор я вёл рассказ как дневник, но в дальнейшем, хотя я почти полностью ограничусь теми предметами, которые попадали в поле нашего действительного внимания, мне придётся при описании многих подробностей широко цитировать Мюррея[6] и некоторых других авторов.

Погода, как нам сказали, была очень сырой и холодной гораздо дольше обычного, но внезапно сменилась ясной и восхитительной. Дни здесь, конечно, гораздо длиннее, но больше всего нас поразили яркие сумерки, затмевающие любую звезду и позволяющие читать газету в полночь.

Первым делом мы отправили по телеграфу важную весть о благополучном прибытии; и рано утром следующего дня получили радостное известие, что дома всё хорошо.

Некоторым из вас это может показаться обстоятельством, едва ли заслуживающим упоминания, но пусть такие люди отправятся на значительное расстояние от дома, оставив позади близких, и их взгляды и чувства претерпят значительные изменения.

Наведя справки об Адлерберге, моём товарище по карантину, мы с сожалением узнали, что он отбыл в то утро с императором в Архангельск. Это подтверждало всё, что мы слышали со всех сторон: он был важной персоной, уступающей, как говорили, только самому императору.

Санкт-Петербург — названный так по имени своего основателя в 1703 году — расположен на болотистой равнине так далеко на севере, что полгода скован льдом. Несмотря на столь неблагоприятные обстоятельства, он стал одним из красивейших городов Европы с населением около 600 000 человек. Улицы просторны и хорошо распланированы, некоторые из них длиной в две-три мили, и, хотя дома редко превышают три этажа, они очень высоки.

Его называют второй Венецией из-за многочисленных каналов, соединённых с Невой. Они обеспечивают удобный проезд во все части города и в то же время значительно помогают осушению, которое иначе было бы весьма несовершенным.

Нева — прекрасная река, примерно такая же широкая, как Темза в Лондоне, но не такая загрязнённая. Выше города расположены многочисленные острова, на которых возведены кра-

сивые виллы, большей частью построенные из дерева в причудливом стиле и выкрашенные в разные цвета, с садами, очень изысканно разбитыми. Помимо многочисленных восхитительных прогулок среди этих островов, они стали ещё доступнее благодаря небольшим пароходам. Они также соединены деревянными мостами, покоящимися на лодках; эти мосты убирают перед наступлением зимы, так как тогда они не нужны и легко могут быть повреждены при вскрытии льда. Но ниже по течению есть один мост, построенный из железа, с семью арками, длиной 1050 футов и шириной 60 футов, стоимостью в миллион с четвертью фунтов стерлингов.

Кроме пароходов, есть много других лодок. Некоторые — очень большие и грубо построенные — привозят дрова с Ладожского озера, большей частью берёзовые, нарезанные короткими поленьями для топлива. Другие гружёные кожей, пенькой и различными продуктами из внутренних губерний. При разгрузке этих лодок с топливом крепостные[7] используют своего рода тележку с каркасом для поленьев. Колёса у неё не более шести-семи дюймов в диаметре, поэтому через улицу приходится прокладывать узкую доску чуть ниже неровной мостовой. Способ поливки улиц у них тоже очень несовершенный: воду носят вёдрами и выливают в большой сосуд на колёсах, из которого разбрызгивают по улицам. Вместо этого следовало бы насосом подавать воду в цистерну и распределять её по ходу движения.

Из-за болотистой почвы здания возводятся на сваях с огромными затратами. Один английский житель сказал, что под землёй было потрачено больше денег, чем над ней. Я тем более готов поверить этому, увидев необычайные фундаменты нового дворца, строящегося в настоящее время.

Большинство зданий, включая дворцы и церкви, построены из кирпича и покрыты цементом различных цветов. Часто они в плохом состоянии и выглядят менее основательно.

Мостовая в целом в плохом состоянии. Она состоит в основном из гальки всех размеров, перемешанной вместе, и, я бы сказал, уложенной неправильной стороной вверх, а в некоторых местах на ярд-другой её нет вовсе.

Из-за такого состояния улиц и тряски дрожек[8] — небольшого четырёхколёсного экипажа, вмещающего двух человек, сидящих вместе за спиной кучера или иногда спина к спине, с передними колёсами высотой около двенадцати дюймов, — удержаться на сиденье очень трудно.

Кучера дрожек обычно носят круглую шляпу и длинные свободные одежды, почти достигающие до пят, с поясом на талии. Они носят на спине жестяную табличку с номером. Они никогда не ездят с шорами и редко пользуются кнутом, но, держа в каждой руке по вожже, гонят своих маленьких лошадок с большой скоростью по неровной мостовой, ни разу не упав, насколько мы могли заметить.

Есть и другие экипажи, похожие на наши английские кэбы, запряжённые одной или двумя лошадьми, но дрожки наиболее употребительны.

Мы не видели много экипажей на улицах — большинство знати покинуло город, и очень немногие господа были верхом, кроме нескольких казаков или других военных.

Проезжая по улицам, мы были поражены огромным количеством голубей, летающих во всех направлениях и часто садящихся в самых людных частях города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.